

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередная реинкарнация этапного труда немецкого историка-архивиста Георга Юлиуса Шустера (1859 — после 1917) на российском книжном рынке является обоснованным и отработанным прецедентом. Вновь предложенное читателю произведение «История тайных обществ, союзов и орденов» чудесным образом не утратило актуальности со временем первой русской публикации, состоявшейся в далеком 1905 году. Причиной тому не только неистребимая тяга человечества к постижению тайнств, но также некоторые качества, присущие авторскому подходу мэтра Шустера. Ценность его работы в сравнении с многочисленными и разнообразными творениями прочих исследователей тайных обществ заключается в экстраординарной масштабности реализованной концепции. Автор лично, хотя подчас субъективно, осмыслил доступные его эпохе обширные пласти знаний о конспиративных общностях и выдал научно-популярный продукт, способный стимулировать читателя к принятию постулатов Шустера либо к формированию собственной концепции. Полностью раскрыта тема, при всех недостатках, привносимых личностными особенностями исследователя, предпочтительнее для ознакомления, нежели современные компиляции на основе фрагментарных знаний, синтезированных множеством узких специалистов. Читателю проще полемизировать с творцом, полностью ответственным за собственные изыскания и выводы, нежели интеллектуально противостоять множеству авторитетов, породивших тематическую энциклопедию. В этом подкупающая особенность далекой от идеала, но неизменно популярной книги Г. Шустера. Представляя издание, достаточно сказать, что работа над книгой, по собственному признанию автора, заняла долгих 18 лет. Думаю, читатель согласится, что такое упорство дорогостоящее. Причем в России труд был оценен и издан годом ранее, чем в родной для автора Германской империи.

Широчайшая эрудиция немецкого историка позволила эффективно продемонстрировать эволюцию явления с древнейших времен до момента формирования концепции, относящейся к третьей четверти XIX века. Примененный подход обеспечил ценную возможность указать на трансформацию сознания под воздействием бытия и тем самым обеспечить надежную методическую базу исследования. В свою очередь материалистический комплекс

«бытие–сознание» Г. Шустер напрямую связывает с параметрами ландшафтных и природных условий, присущих местам формирования древнейших религий. Тем самым достигается весьма любопытная и полезная цель пояснения культовых и, следовательно, культурных особенностей народов, синтезировавших первичные правила общежития исходя из соображений целесообразности. Сегодня такой подход не практикуется, а жаль, ибо с его помощью авторитет традиционных идеологий подтверждается и упрочняется. Интересно, что в научном предисловии к первому национальному изданию рецензент критикует Шустера за умозрительность раздела, посвященного идеологии и конспирологии Древнего мира, а также за традиционность его взглядов, не учитывающих последних научных изысканий современников. Тогда как сегодня именно первый раздел очаровывает своей целостностью и игнорированием избыточных подробностей, основанных на обширных, но не упорядоченных знаниях об удаленных эпохах. Время существенно меняет парадигму. В текущий момент, характеризующийся потоком новаций, логичный и плавный первый раздел, посвященный древнейшему миру, вызывает ностальгию и желание задействовать его параграфы в качестве внятного учебного пособия.

Повествуя об эволюции язычества и формировании нынешних мировых религий, автор умело подводит читателя к пониманию истоков иерархичных жреческих корпораций и дифференцирования степеней культовой посвященности, неизбежно приводящих к появлению закрытых и занавешенных тайной общинств. Причем из текста раздела очевидно вытекает тезис, что даже в те давние времена тайные общества, помимо поиска истины, руководствовались меркантилизмом и властолюбием. Становится также понятен механизм вербовки неофитов, движимых мотивами сопричастности к откровениям при перспективах социального роста. Одновременно выясняется, что уже в седой древности закрытые корпорации умели эксплуатировать личностный дуализм человеческой природы, стремящейся возвыситься над массой ближних при сохранении умиротворяющего желания подчиняться кумирам.

При составлении перечня древнейших союзов посвященных Г. Шустер весьма скрупулезен и обстоятелен. Заметно лишь одно упущение, касающееся отказа упомянуть иудейскую группировку сикиариев, некогда терроризировавших римлян, несущих оккупационную службу в Палестине.

Раздел, посвященный Средневековью, также насыщен чрезвычайно полезной и интересно поданной информацией. Однако в данном случае автора начинают стеснять рамки собственного субъективизма. Типичный немец-идеалист и по совместительству франкофоб Шустер в угоду комплексам начинает игнорировать социально-экономические причины Крестовых походов, героизировать практики крестоносцев и манипулировать итоговыми цифрами ближневосточного противостояния креста и полумесяца. Франкофobia мэтра отчетливо проявляется в демонизации Филиппа Красивого и реабилитации тамплиеров, а также, к сожалению, в отказе упоминать и описывать целый ряд тайных обществ французского происхождения. Знакомясь с данным разделом, читателю следует проявить осторожность и стремление к объективности, памятуя о том, что автор просто не мог преодолеть предрассудков современной ему эпохи. Тем не менее раздел, посвященный Средневековью, остается ценной частью работы, достойной внимания самого просвещенного ценителя.

В частности, раздел содержит материалы о деятельности тайных трибуналов (фемов), функционировавших в Германии до XIV века. Будучи вполне квалифицированным историком, редактор прежде не встречал столь подробной русифицированной характеристики упомянутых властных институтов.

Аналитический талант автора способствует верной оценке мощи монотеистических религий, чьи постулаты позволяли направлять энергию запретных корпораций на поприще конкретных начинаний, угодных церквам.

Неизменной остается авторская стилистика, по-немецки обстоятельная, слегка вычурная, но надежно способствующая концентрации читательского внимания.

Наконец, последние разделы, посвященные периоду Нового времени, несомненно, являются наиболее информативными для тех, кто ищет конкретных знаний о закрытых корпорациях. Имея доступ к уставным документам, судебным актам и свидетельским показаниям, автор создает изобильный список орденов, лож и корпораций, функционировавших на многострадальной ниве Старого Света в эпоху обожествления прогресса. Автором в полной мере транспарируется процесс превращения узконаправленных корпораций в кадровые агентства по найму проводников реформ, перемен и новаций. Причем данные агентства оцениваются с позиций человека эпохи, зиждущейся на безусловной оптимистичной вере в форсированный прогресс, сохранившейся до мировых

катализмов XX века. Руководствуясь симпатией к «прогрессорам» и доступными материалами, Г. Шустер создает целостный свод запретных сообществ, игравших значимую роль в судьбах Европы и ее национальных составляющих. Претензий на выявление целей, связей и поименных списков организаций автор не предъявляет. Мэтр, находясь на современном ему уровне политической культуры, с завидным простодушием верит в самостоятельность целеполагания германского масонства, приписывая ему некие мессианские полномочия. Он полностью игнорирует неприметный британский след в судьбе Д. Мадзини и его повсеместных младоевропейских детищ. Созвучный XIX веку труд не преследует разоблачительных целей и скорее апологетичен, чем критичен, применительно к феномену.

Зато летописец масонства красочно описывает способы идентификации, обрядовость и лозунги различных структур, нанимающих несистемных борцов за личную будущность. В данных вопросах для Г. Шустера мелочей нет. Он с одинаковой тщательностью живописует эволюцию некогда власть имущих иезуитов и откровенно жуликоватых розенкрейцеров, тем самым максимально удовлетворяя чаяниям любопытствующих. Искушенного, «тертого» современностью читателя, исповедующего культ поиска причинно-следственных связей и центров принятия решений, такой подход к тематике не удовлетворит, но подстегнет к продолжению исследований. То есть официально анализируемая книга выполнит базовое предназначение в адрес любой аудитории.

В завершение обзора следует упомянуть о ключевом недостатке сочинения Георга Шустера. Мэтр, как и его германские современники, страдает не только франкофобией, но также стремлением игнорировать российский фактор. В фундаментальном труде не нашлось места ни единому национальному прецеденту. Русскому масонству посвящены считанные предложения, а остальные аспекты содержат лишь упоминание о визитах таинственных гастролеров и их российских махинациях. Повествуя об анархизме, немецкий архивист умудрился избежать упоминаний о М. Бакунине. И далее по списку. Но нет худа без добра. В единственном абзаце о российских конспираторах Г. Шустер ухитрился эффективно предостеречь наш великий и многострадальный народ от заимствования чужого опыта. Фраза выглядит так: «Франкомасонство... в значительной мере способствовало развитию среди русской интеллигенции космополитизма и любви к человечеству вообще». Об одновременном повышении симпатии

к собственному социуму и дополнительной ответственности перед ним мэтр при этом не упоминает. О пользе такой франкмасонской деятельности читатель волен судить в меру личных взглядов. Однако благословенная осторожность в заимствованиях не отменяет необходимости изучать феномен и реализовать присущую любознательность.

*Креленко Д.М.,
канд. ист. наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Саратовского государственного университета
2023*

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена и у всех народов существовали общества, союзы и ордена, которые сохраняли в тайне свои цели и приемы. Мы встречаем такие союзы в самых различных формах у диких первобытных народов, в глубокой древности, в мрачные Средние века, а также и в более светлые дни, которые явились на смену суровой, безотрадной эпохе.

Из древних времен нам известны тайные общества египетских и индийских жрецов, пифагорейцев и орфиков, различные греческие и римские мистерии, иудейские ессеи и кельтские друиды.

В Средние века мы встречаем общества плотников и каменщиков, известных под именем *Bauhütten*, впоследствии давших начало обществу свободных каменщиков — масонов; орден тамплиеров, тайные судилища; каланды¹; братства Вольфганга, вальденсов и иезуитов. В Новые и Новейшие времена привлекают внимание розенкрейцеры, иллюминаты и рыцари солнца, карбонарии, секта друзов и дервиши, сицилийские мафиози, греческие гетерии, ирландские фении, *Odd fellows*², масоны и друиды.

Насколько можно судить на основании дошедших до нас, частью весьма скучных, преданий и сведений об этих тайных обществах, они или представляли собой замкнутые кружки людей, возвышавшихся над общим уровнем своими дарованиями и высокими стремлениями, или служили во времена невзгод и гонений верным хранилищем высших духовных сокровищ, религий и философии, а также политических идей.

Казалось, почти все они служили одной и той же высокой цели: просвещению и облагораживанию ближнего, освобождению порабощенного человечества от духовного, политического и социального гнета. Впрочем, не подлежит сомнению, что их цели нередко бывали и довольно туманны и даже безнравственные, что под густым покровом таинственности скрывалась лишь гнусная погоня за чинами и титулами, что легкомысленные головы лишь по-детски забавлялись громкими фразами, бессодержательными обрядами и символами. Известно также и то, что нередко заведомые обманщики, фантазеры, личности пошиба Катилины, люди худшего разбора основывали такие общества или же втирались

¹ Тайные общества взаимопомощи. — Прим. пер.

² Нечто в роде ремесленных обществ. — Прим. пер.

в существующие союзы, чтобы пользоваться ими для своих личных, низменных целей.

В таких случаях духовные плевелы быстро заглушали хорошие всходы и приводили к полной гибели общества, если не вызывали энергичного противодействия, которое ставило предел их преступным стремлениям. Отличительной чертою тайных обществ является стремление громадного большинства их, при своем возникновении и в своем развитии, представить собою необходимое дополнение к политической, религиозной и социальной жизни общества, которое они хотели просветить и исправить своим бескорыстным трудом и самоотверженной деятельностью. Вместе с тем выясняется также и то обстоятельство, что первыми основателями и руководителями таких обществ были исключительно духовные лица, представители разных религий. Как у древних цивилизованных народов, так и в позднейшую христианскую эпоху они проявляли неутомимую деятельность в этом направлении, а в жалком существовании диких первобытных народов играли в этом смысле весьма значительную, если не важнейшую роль.

Такое явление для того времени весьма необычно. Оно получает, однако, весьма простое объяснение, если принять во внимание его тесную зависимость от возникновения и развития религиозного самосознания.

Из всех нравственных идей, которые когда-либо существовали, существуют и будут существовать на свете, религиозная идея отличается наибольшей устойчивостью и могущественной длительностью. Ее таинственная власть, непрестанно меняясь, господствует над человеческим сердцем, над нравственностью народной массы: эта идея руководит наукой, искусством и поэзией, всем ходом мировой жизни, историческими путями человечества.

Много веков подряд человечество мучительно работало над уяснением религиозной проблемы, но до сих пор еще не проникло в ее сущность и вместе с тем не разрешило загадки бытия. Философы, теологи, антропологи, скептики, Иов, Аристотель и Софокл, Цицерон, Августин и Фирдоуси, Шекспир, Кальдерон, Вольтер и Шопенгауэр — все они работали над этой проблемой. Но им удалось установить лишь одно основное положение: человек не может отречься от Бога, все равно, стоит ли он на низшей ступени первобытного состояния или же на вершине цивилизации, «человек неизбежно должен проникнуться идеей божества, он не может отречься от нее, как не может освободиться от собственной совести». Гений так же не может быть чуждым религиозного чувства.

Как сильна искренняя религиозность, доказал Гете, написав свою превосходную оду «Границы человечества».

Религиозное чувство в человеческом обществе пробуждается значительно раньше, чем люди начинают различать добро и зло.

Конечно, у первобытных народов не существует той ясности, какую мы наблюдаем у иудеев, христиан и магометан. Во всей их духовной жизни нет единства, нет определенной системы. Первобытный человек повсюду вокруг себя видит властные проявления сил природы, которые вызывают в нем тягостное ощущение собственного ничтожества и сознание своей подчиненности. Природа кажется ему подавляющей его враждебной силой, которая со всех сторон бесчисленными препятствиями стесняет и ограничивает волю. И в беспрерывной борьбе с этим грозным врагом он не успевает разобраться во внутренней сущности его. Ужасающие его громы и молнии, утренняя и вечерняя зори, страшная сила бушующих ураганов, пламя вулканов, видимое на громадном расстоянии, возмущенные бурей кипящие волны океана — все это порабощает его ум и наполняет его страхом и ужасом; с другой стороны, вид звездного неба, согревающие лучи солнца, сияние луны и звезд производят на него глубокое впечатление своим величественным спокойствием и правильной сменой явлений. Даже безбрежная морская гладь, безгранична степь, таинственная тишина первобытного леса, шелест деревьев, тихий плеск источников, уходящие в облака снежные вершины гор расширяют кругозор первобытного человека, этого исполненного предрасудков «существа человеческого рода»; они пробуждают и приковывают к себе его внимание.

Великие явления природы пробуждают в человеческом духе глубокую потребность доискиваться причины каждого явления, каждого события, причем у первобытных народов проявляется сильная наклонность до известной степени олицетворять все силы природы. Неправильное применение закона причинности приводит затем к тому, что человек ставит себя в такую зависимость от созданных его воображением признаков, что не в состоянии уже от них отрешиться. Если же предметы внешнего мира представляются одушевленными и обладающими волей, они кажутся также виновниками бедствий, истинная причина которых скрывается от умственного взора человека. Вследствие этого в глубинах человеческого ума возникает смутное предчувствие, что людям удастся со временем сделаться повелителями природы. Человек предается безумной мечте, будто он в состоянии уничтожить или, по крайней

мере, ослабить влияние природных сил. Поэтому он прибегает к известным приемам, знакам, изречениям, которые уже проявили свое действие, — наивный самообман, не чуждый в более утонченном виде даже самым высоким умам.

Такие моменты в жизни народов обозначают начало религиозного поклонения; эти начала, подобно, например, идее жертвоприношения, неразлучно сопутствуют историческому развитию религиозной мысли. «Идея жертвоприношения выражается в различных действиях; она заставляет браминского йогина бросаться под колесницу Джагерната, она руководит финикийскою материю, которая кидает свое дитя на раскаленные руки Молоха; она заставляет грека приносить гекатомбу (100 быков) в жертву Зевсу. Эта же идея внушает желание буддисту положить цветы к ногам статуи своего пророка, монахине и деве солнца — дать клятву в вечном целомудрии, а мусульманину — во славу своего Аллаха убивать гяуров; она учит христиан уничтожать альбигойское население целых городов; создавать инквизиционные суды, которые предпринимают массовые сожжения «ведьм», и руководит благочестивым паломником, который на коленях взирается по ступеням собора Петра и Павла. Все это различные выражения одной и той же идеи жертвоприношения».

Объектом религии в ее первобытной и грубой форме является все, что привлекает к себе взоры человека, стоящего на уровне анимизма: цветы, камни, раковины, перья, живые существа.

Из неодушевленных предметов особенное поклонение вызывали камни. Метеориты, упавшие на землю в раскаленном виде, легко возбуждали благоговение. Они становились фетишами. Памятниками такого фетишизма, бесспорно, является, например, камень в Вифлееме, освященный, согласно библейскому сказанию, Иаковом, который на нем отдыхал; черный камень в Каабе, в Мекке, и тот, который замурован в мечети Омара в Иерусалиме. Даже в XI веке от Рождества Христова английская церковь все еще вынуждена строгими эдиктами бороться с продолжавшимся культом камней.

Еще в большей степени повсюду было распространено поклонение деревьям. Деревья и целые рощи обоготворялись как божества или обиталища богов — культ, распространенный в особенности среди первобытных германцев. В Древней Греции веления богов распознавались в шелесте священного дуба в Додоне и в журчании священного источника, протекавшего у его основания. Чьи чувства могли бороться с очарованием шелеста листвьев, грозного

шума, поднимаемого бурей, когда стонали ветви и ломались целые сучья? Фантазия первобытного человека охотно рисовала себе такой бушующий лес в образе одушевленного предмета.

Как мы уже сказали, вода, в особенности источники, почтась как нечто божественное. Так, устремленный куда-то поток считался у древних персов настолько священным, что они страшились чем-нибудь запятнать его чистоту.

Кто желал совершить особенно благочестивое деяние, тот строил мосты через реки и ручьи, чтобы таким образом предотвратить прохождение их вброд. Персидский царь Ксеркс, отправляясь в 480 г. до Р.Х. в Грецию, додел до Геллеспонта и увидел, что понтоный мост разрушен ураганом. Разгневанный Ксеркс приказал высечь волны плетями — наказание, которое, очевидно, предназначалось богу моря.

Поклонение животным тоже весьма древнего происхождения, в особенности кульп змей, который еще и в наши дни процветает в Индии и в могущественном негритянском государстве Дагомее. Мы знаем, что и Моисей однажды не устоял перед искущением воздвигнуть медное изображение змеи, которое считалось народной святыней и впоследствии хранилось наряду с ковчегом Завета и другими сокровищами в Иерусалимском храме, откуда лишь много веков спустя изгнал его богобоязненный Иезекииль.

Но мыслящий народ не может долго оставаться на такой низкой ступени культуры. Чем шире развивается разум человека, тем больше он сознает себя свободным существом, действующим по собственному усмотрению и по собственной воле, тем более он постепенно удаляется от поклонения явлениям природы и предметам животного и растительного царства; человек узнает по опыту, что такие объекты его поклонения часто делаются жертвами других сил, воздействию которых они подвергаются. Следовательно, должны существовать еще другие боги, обладающие высшей властью. Поняв это, люди обратили свои взоры к солнцу и к вечным звездам, к тому, что превыше всего, что недоступно человеческой руке; им казалось, что в них они познали неведомого творца и средоточие тех сил природы, которые уже нельзя видеть, но можно лишь уразуметь по тому воздействию, которое они оказывают на природу. Поклонение силе, а следовательно, явлению, уже недоступному чувственному познанию, могло, однако, развиться лишь у тех людей, которые уже достигли известной умственной зрелости. Таковыми явились прежде всего земледельцы, так как

развитие высшей культуры возможно лишь с наступлением земледельческого строя и связанного с ним оседлого образа жизни.

Для темных народных масс, однако, оставалась непонятной духовная сторона аллегорического культа природы. Отвлеченные представления понимались дословно, невидимое принимало образ и форму, облекалось в плоть и кровь. Развивалась мифология.

Имя прилагательное, определявшее силу явления, превращалось в собственное имя божества: имя, в свою очередь, создавало представление о существе, которое сейчас же относилось к женскому или мужскому полу, в соответствии с грамматическим родом вошедшего в употребление названия (в образовании мифов большую роль играли языки, которые различают грамматический род, как арийские и семитские), и пробужденное воображение продолжало уже работать дальше, сочиняя божественный роман.

Культ солнца уже перестал удовлетворять; вскоре стали возникать сомнения в том, что дневное светило является первопричиной всех вещей, так как развитие и рост всего существующего продолжается и ночью.

Явилось поклонение бесконечному, вечно движущемуся небу и плодоносной земле. Небо, мощное и величественное, которое повелевало ветрами и облаками, громами и молниями, люди представляли себе существом мужского рода в противоположность женственной, созидающей в тиши, восприемлющей земле. Из союза их произошел целый ряд богов, и каждому из них, в свою очередь, была приписана особая генеалогия. Таким образом возникли сначала семьи богов и затем целые поколения их; во главе этих последних был поставлен такой бог, который казался самым могущественным из всех сил природы.

Но безгранична народная фантазия не удовлетворилась этим. Она дошла наконец до полного воплощения в человеческом образе первоначально божественных существ. Антропоморфический бог получал новую человеческую генеалогию, но вместе с тем, превратившись в героя, переходил в область легендарной поэзии.

Когда воображение придало божествам вполне человеческие черты, создавшиеся мифы сделались вдохновителями искусства. Поэзия, музыка, живопись, скульптура и архитектура соединились, чтобы при помощи слова, красок, резца и молотка воплотить идею божества в человеческом образе. Там, где внешнее воплощение религиозной идеи достигло высшей степени совершенства, ее внутреннее содержание немедленно отступило на задний план. Изображение бога само делалось божественным. Люди

хотели видеть своего бога, говорить с ним. Как произведение искусства, он становится уже собственностью общины. Ему строят храмы, окружают его символами и ритуалами, и фетиш готов. Негр, который грубо и безвкусно делает себе фетиш из чурбана, и Фидий, резцу которого принадлежит Зевс, одинаково хотели олицетворить своего бога.

Громадное значение в создании и развитии религии играли, конечно, жрецы. Сначала обязанности жреца возлагались на старейшего в роду, но, по мере того как жизненный строй принимал большую устойчивость, звание жреца становилось наследственным, и наконец складывалось отдельное сословие, или каста, жрецов. Когда же складывался жреческий класс, религия выигрывала в своем развитии благодаря их спекулятивной деятельности, направленной как на догму, так и на культ.

Между тем с течением времени первоначальное ядро божественного и героического эпоса, олицетворение сил природы изглаживалось из памяти потомков и вымыслы начали принимать за действительность. Только в кастах жрецов сохранили истинный смысл древних мифов, который и превратился в более высокое теологическое учение, доступное только посвященным. Таинственность, которой окружали себя служители храмов, в значительной степени усиливалась то почтение, с каким относился к ним народ, и обеспечивала их сословию прямое влияние на все общественные и частные дела. Давно уже известно, что только таинственные и загадочные вещи, особенно если они окружены соответствующей, такой же таинственной обстановкой, оказываются в состоянии произвести прочное впечатление на нерассуждающую толпу.

Поэтому у всех древних культурных народов — у египтян, персов, индусов, евреев, греков и римлян — мы находим тайные общества, которыми руководили жрецы. Но прежде чем заняться исследованием этих тайных обществ, бросим еще один взгляд на тайные общества у первобытных народов.

И здесь тайные союзы организуются специалистами этого дела — жрецами или шаманами. Шаманы — это волшебники и чародеи. Их деятельность выражается в том, что они излечивают болезни, занимаются предсказаниями, предвещают погоду, вымаливают урожаи, отвращают общественные и частные бедствия. У всех первобытных народов болезни, смерть, необычные явления природы и т.п. приписываются злым чарам, против которых шаманы должны бороться, пуская в ход свои таинственные заклинания. Их деятельность проявляется в общении с богами

и душами умерших с целью получить через них откровение относительно будущего.

Чтобы произвести глубокое впечатление на невежественные умы подвластного им населения, шаманы во время своих священномий облекаются в самые фантастические костюмы и при помоши волшебного барабана, волшебной трещотки или волшебного рога доводят себя до такого нервного возбуждения, что с ними делаются судороги, кончающиеся серьезными повреждениями. По единогласному утверждению наблюдателей первобытных народов, шаманы, очевидно, поддаются самообману: они верят в единственность своего искусства. Однако несомненно, что до известной степени в их заклинаниях играют роль и сознательный обман, и грубое фиглярство. По справедливому замечанию одного известного историка культуры, такие явления неразлучны с самым духом шаманства.

«Все времена и у всех народов представителям религиозного культа угрожала опасность, вследствие сознания чрезвычайной важности и возвышенности их задач, незаметно для себя увлекаться довольно сомнительными средствами для достижения успеха».

Шаманы, настоящую родину которых нужно искать у кочевников Северной Азии, в пустынных степях Сибири, у покрытого снегами и льдами полярного пояса, живут обыкновенно в стороне от орды; они особенно охотно выбирают себе учеников и последователей среди несчастных, страдающих припадками падучей болезни, среди карликов и горбатых и, наконец, среди альбиносов; они воспитывают их в строгом посте, беспрерывном умерщвлении плоти и тогда только открывают сомнительные сокровища своих тайн, когда те успешно выдержат все предварительные испытания и истязания.

Между тем как знахари краснокожих живут в особых шалашах, доступ в которые воспрещен всем непосвященным, служители фетишей у южных африканских негров группы Банту, которые наиболее страдают от безумств шаманизма, живут в самих храмах или в священных рощах. На островах Великого океана шаманы образуют освященную религией касту. Во главе их стоит верховный жрец, который живет одиноко в лесной чаще, куда верующие стекаются со всех сторон со всякими жертвенными дарами.

Если придерживаться того взгляда, что шаманизм сводится лишь к простому колдовству с целью воздействовать на невидимые божества, то мы должны признать, что почти все народы были жертвой подобного безумия и что даже в настоящее время они

еще не вполне освободились от него. Ибо что же иное, как не шаманизм, изречения всяких оракулов, стуки, производимые духами, наконец, спиритизм, который находит, к сожалению, столь широкое распространение? Особенно злоупотребляют в шаманистическом направлении молитвой. Как часто она превращается в магическую формулу, когда ее словам приписывается власть над Божественной волей! Как легко и как широко распространяется такое заблуждение — доказывают поклонники Будды. Чтобы заработать награду, они стараются перехитрить божество при помощи так называемой молитвенной мельницы. На вертящиеся валы наматывается бумага с написанными на ней молитвами; эти валы приводятся в движение, и верующие воображают, что божеству приходится принять эти молитвы так, как будто они были произнесены ими на самом деле.

У первобытных народов имеется даже тайный суд. Так, в немецких колониях Новой Померании и на западном берегу Африки существуют многочисленные тайные общества, имеющие целью руководить правосудием, преследовать и наказывать преступников. Члены такого союза узнают друг друга по известным знакам, которые хранятся в строгой тайне от непосвященных.